

Николай Чижов

Запах цвета карамели

Николай Чижов

Запах цвета карамели

<https://litres.ru/74126637>

SelfPub; 2026

Аннотация

Маленькая Алёна, брошенная матерью, находит в полупустом доме нового друга. С ним тепло, спокойно и от него уютно пахнет карамелью. Но так ли бескорыстны его действия?

Николай Чижов

Запах цвета карамели

Алена проснулась в родительской постели. Комната с высокими французскими окнами еще дышала ночью. Из открытой форточки тянуло влажной апрельской землей и предутренним холодом. Холод ее и разбудил. Поежившись, девочка встала, поплотнее закуталась в одеяло, взяла любимую тряпичную обезьянку Чичи и босиком побрела искать родителей.

Притихший дом давил тишиной. Ее забыли? Бросили? При этой мысли заледенели и без того озябшие ноги. Снизу неслись едва различимые звуки. Там был кто-то живой. Мама?

Нет, не мама. Из-за дивана в гостиной раздался низкий отцовский храп. Он снова уснул на полу.

Алена бесшумно вошла в гостиную, хотя и знала, что отец не проснется даже от крика. Так и есть. Свалился, в чем был: в синих джинсах и белой рубашке. На сорочке покачивались в такт дыханию остатки непереваренной еды. В воздухе стоял тяжелый запах перегара и отвратительной кислятины. Две бутылки со скучными желтыми этикетками так и не добрались до мусорного ведра. Рядом валялся разряженный мобильный телефон.

Видимо, отец выключился почти сразу, как только она

легла спать. Правая рука, искалеченная, трехпалая, как лапа большой раненой птицы, лежала на ковре странно и беспомощно. Розовые шрамы тянулись по коже тонкими ручейками. Из-за отсутствующих пальцев обручальное кольцо Роман носил на левой руке, поддерживая свою нелепую легенду о разводе.

Алена подкралась ближе, замерла на мгновение. Она как-то попробовала последнюю каплю из отцовской бутылки, пока тот спал. Язык обожгла горечь. Как такое может нравиться?

Будить отца было страшно, но все же она решилась. Осторожно потрясла за плечо:

— Папа, папа, тебя стошнило.

Мужчина с трудом разлепил отекавшие веки. Мутные глаза не сразу нашли дочь. Он чмокнул губами, стараясь проснуться. Попытки сглотнуть отсутствующую слюну окончательно привели его в сознание. Взгляд медленно скользнул по дочери, потом опустился на испачканную рубашку. И без того красное лицо залила краска стыда.

— Где мама? — тихо спросила Алена, забыв на мгновение, что знает ответ.

Вопрос повис между ними, как паутина. Роман резко сел.

— Все! Нет мамы. Нет ее, слышишь? Бросила она нас.

Голос сорвался.

— Ушла к другому «папе».

Он скрестил ноги и принялся тереть красные, воспали-

ные глаза. Алена испуганно смотрела на него. А потом расплакалась горько и беспомощно.

Роман попытался сглотнуть. Это больше не было попыткой привести себя в чувство. Теперь отец пытался сдерживать слезы.

Наконец он судорожно обнял Алену и уткнулся лбом в тряпичную обезьяну, пахнущую зубной пастой и детством.

После ухода Ольги дом начал медленно вымерзать изнутри. Исчез ее смех, запах духов в коридоре, потом развеялась память о музыке ее голоса. Для Романа даже свет из окна гостиной стал другим. Еще в марте он думал, что жизнь наконец сложилась правильно. У него был дом. Настоящий. С деревянной лестницей, широкими окнами и участком земли, где по весне пахло молодой травой и пробуждающейся жизнью.

Дом был его взрослой мечтой.

Квартира всегда казалась Роману тесной коробкой, где стены сжимали сильнее каждую зиму. Поэтому однажды он решился: продал почти все и купил недостроенный коттедж с двадцатью сотками земли.

Но настоящая жизнь оказалась не уютом, а бесконечной стройкой — вечной нехваткой денег и ощущением, что счастье все время откладывается «на потом».

Дом строился и обживался постепенно, что-то Роман делал сам, где-то приглашал сезонных мастеров. Сперва он об-

ставил кухню и гостиную на первом этаже и две спальни с кабинетом на верхнем. Там было тепло, уютно, пахло едой, кофе и карамелью, которую обожали жена и дочь. Но вот уже год, как второе крыло дома стояло пустым кирпичным лабиринтом, в нем гуляли сквозняки и с потолка свисали провода.

Как-то вечером он вернулся домой и обнаружил лишь записку, холодный дом и перепуганного ребенка. Сначала не мог поверить, что это наяву. Жена его разыгрывает? Он бросился звонить ей, чтобы потребовать объяснений, втайне надеясь, что это шантаж или злая шутка. Звонки остались без ответа. Он не понимал, что происходит.

«Чего ей не хватало? Внимания? Денег? Все ж было хорошо. Даже не ругались».

Роман не спал всю ночь. Перестал себя взвинчивать и названивать, когда убедился, что это бесполезно. Написал ей десятки сообщений в разные мессенджеры, стирая и набирая вновь.

Утром позвонил теще. Та ответила, что ничего сказать не может и лучше пусть спросит Ольгу. Связываться ли с друзьями и общими знакомым? Где ее теперь искать?

Днем Ольга перезвонила сама. Не дав ей вставить и слова, Роман начал требовать ответа: где была, с кем. Угрожал, что она больше никогда не увидит ребенка, если не вернется сию же секунду. Ольга, не сказав ни слова, отключила телефон.

Так прошел еще один день. Двадцать четыре часа тягостного недоумения.

Наутро пришло сообщение, что абонент снова в сети. Он снова позвонил Ольге. Он уже не кричал, ничего не спрашивал, а умолял вернуться — хотя бы ради Алены. Ольга сухо ответила, что об этом не может быть и речи и что пусть выкручивается как может. У нее новая жизнь. Новая любовь, о которой она мечтала. Ее больше не волнуют ни проблемы Романа на работе, ни стройка. Ее жизнь с ним — перевернутая страница. Наймет адвокатов, те помогут поделить имущество. Алена пока поживет с ним.

Раздались короткие гудки. Роман ошалело уставился на телефон. Какая любовь? Кого она подцепила? Когда? Какие адвокаты, черт побери?!

После минутного ступора его окатило смесью досады, ревности и злобы:

«Ну и наплевать! Пусть катится к чертовой матери! Проживем без нее!»

Он остался один на один с новыми заботами: без жены, без привычной жизни, с маленькой девочкой, которая ждала маму. С бутылками, которые становились частыми спутниками бессонных ночей.

С Аленой же сразу начались проблемы.

Тяжелее всего оказалось отвечать на вопрос: «Где мама?». Сначала он бурчал: «Уехала», хотя они оба знали, что это ложь. Потом для лжи прошло слишком много времени. Да

и сама Ольга в один из редких телефонных разговоров с дочерью прямо сказала: «Мы больше не живем вместе с папой. Слушайся его. Я тебя люблю».

Как-то вечером он, вцепившись в чашку остывающего кофе, услышал за спиной звонкий голос Алены:

— Пап, я нарисовала тебе солнышко.

Он обернулся. Дочь протягивала лист, на котором неровными желтыми кругами было изображено солнце, а под ним две взрослых фигуры держат за руки фигуру поменьше. Он попытался улыбнуться, но улыбка получилась вымученной.

— Мы теперь остались одни, да, папа? Мама ушла насовсем?

— Я верну ее.

— Ты не сможешь, — по-взрослому вздохнула дочь.

Роман похолодел и выпалил торопливо:

— Я поговорю с мамой, она вернется.

— Она не вернется. Пап, она мне сказала, что к тебе она не вернется.

Каждое утро Алены начиналось с немого вопроса, Роман все понимал по заплаканным глазам. Ему тоже не хватало Ольги, ее тепла, ласки, каскада живых черных волос. Ради нее он оставил прежнюю семью, окружил Ольгу заботой, делал для нее все. Мысли об ушедшей жене больно ранили, вгрызлись в мозг, струились, как змеи, между рабочими вопросами, вползали в голову и шипели, что он неудачник, тю-

фьяк и рогоносец.

Будни шли по расписанию. Они с Аленой вместе завтракали, ехали на машине в школу. Иногда он задерживался, и Алена подолгу сидела одна на продленке. Несмотря на то, что он видел Алену каждый день, она была где-то далеко. Стена отчуждения между ними росла и становилась все толще. Алена перестала играть с соседскими ребятами, выходные проводила перед телевизором или планшетом. Смотрела мультики, фильмы или просто сидела, уставившись пустым взглядом в окно.

Партнеры и сотрудники постоянно звонили Роману для решения разных вопросов. А на нем теперь повис быт, нужно было возить Алену на учебу и на секции. Часто он брал ее с собой на работу, и она часами сидела с планшетом в машине, пока он согласовывал что-нибудь на производстве.

Он заказывал на дом еду или готовил сам: поначалу из тех продуктов, что можно бросить в кипящую воду. Затем скачал несколько рецептов, начал экспериментировать. Первые два борща пришлось вылить в унитаз. Оказалось, что курицу перед запеканием нужно потрошить. Манная каша была склонна к побегам. Сырники подгорали в лучших традициях Юлии Высоцкой. Потом с готовкой стало потихоньку налаживаться, но Алена отказывалась есть его стряпню. Оладьи, которые из-под маминых рук выходили бесподобными, отец делать вообще не умел. Сначала он ее упрасивал съесть хоть что-то, потом орал, злился. Спрашивал, что она хочет: суши,

пиццу, торт, устрицы, картошку фри, колу? В ответ она молчала и мотала головой. Ей хотелось маминой знакомой еды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.